

«Воскресение Ленинград», 1978, 7 сентября

К 150-летию
со дня рождения
Л. Н. Толстого

«МОИ МЫСЛИ

СУТЬ СВОБОДЫ МОЕЙ»

К 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого Ленинградская студия телевидения показала спектакль «Возвращение на круги своя». Постановил его режиссер Р. Агамирзян.

Драматург И. Друцэ дал пьесе, подзаголовок — драматическая баллада. Этим жанровым определением он как бы подчеркивает, что перед нами не сценическая биография Льва Толстого, а лишь несколько эпизодов его жизни. Что здесь обыденное сплетено с романтическим, что рассказ о реально происшедшем в ясномполанском доме соединен с поэтизацией личности, характера великого писателя. Здесь есть присущие балладе рефрены и возвраты. И вместе с тем действие пьесы имеет документальную основу — соотносится с известным из дневников, воспоминаний.

Поэтическое начало в спектакле выражают те сцены осеннего, а потом зимнего леса, на фоне которых рассказывается притча о старом волке. Могучий темный бор и прозрачная белостельная роща берез. Когда-то сильный волк, чуя приближение смерти, совершает последний прыжок ей навстречу. В этой притче — сходство с судьбой Толстого.

Другой определяющий стилистический пласт спектакля — его документализм, психологическая достоверность. Он выражен и в обрамляющих спектакль фотографиях Ясной Поляны с известными всему миру белыми башенками ее ворот, с усадьбой и крытыми соломой избами крестьян. На этом фоне мы видим Льва Николаевича в простой крестьянской одежде. Подлинные фотографии Толстого — это жесткий критерий для игровых сцен. И спектакль такую поверку на достоверность выдерживает.

В спектакле, поставленном Р. Агамирзяном, нет попыток показать, как пишет Толстой, как отображает в своих произведениях увиденное в жизни. Но есть духовный мир художника, который и велик, и прост одновременно. Мы видим Толстого в повседневном домашнем окружении. Здесь начинается первый слой противоречий: уют дома — и моральный дискомфорт, напряженность. Намерения жены Софьи Андреевны, детей противостоят нравственным устремлениям писателя. Жена противится его воле издавать сочинения бездоходно. Лев Николаевич воспринимает это как покушение на его внутреннюю свободу. Для Толстого его семья — это «разрушенная среда богатых». Оттого и хочется ему одиночества.

В доме есть и подлинные, преданные друзья писателя: секретарь Булгаков, врач Маковицкий, пианист Гольденвейзер, дочь Александра. Но Толстой хочет единения с бедной трудовой жизнью народа, и это приобретает утопический оттенок. Тем, кто пошел было за ним, — толстовцам, он кажется непоследовательным: призывает к опрощению, а сам ездит верхом на дорогой лошади.

Драматизм противоречий с самого начала пронизывает спектакль, напрягает его силовые линии.

Роль Л. Н. Толстого исполняет С. Поначевный. Он убедителен внешнею сходством,

органическим существованием перед объективом телекамеры. В этом заросшем седыми волосами лице, отнюдь не графских, скорее крестьянских очертаний, есть и сила, и боль. Острее всего Толстой — С. Поначевный реагирует на посягательства Софьи Андреевны, когда она ночью тайком просматривает его дневник. Листание страниц, шелест которых усилен микрофоном до зловещего шума, точно режет писателя по сердцу. Подавленный чувством оскорбления, горечи, он закрывает глаза. Его мысли идут как внутренний монолог. Сильно выражено негодование Льва Николаевича против жестокого Ахмета, нанятого Софьей Андреевной, чтобы охранять барский лес. Слабее прозвучал рассказ о том, как крестьянин хранил павшего мерина. Под звуки органной музыки — как важное свершение — перечитывает Толстой свое отречение от гонорара за сочинения.

Артист и режиссер не чужды бытовых красок. Крупным планом — Толстой ест овсяную кашу. Подпекает грамофонной пластинке с записью цыганского романса «Я поцелуюми покрою...» Или — облокотился на рояль, на котором пианист Гольденвейзер (артист В. Особик) играет Шопена. Со слезами на глазах Лев Николаевич думает о том, как трудно ему отказаться от радости верховой езды. Порой он мелочен — эпизод с крестьянкой, у которой он отбирает данные им по ошибке три рубля. И опять крупным планом — мудрое лицо убежденного сединами великого писателя. Еще крупнее, во весь экран — только верхняя часть лица, глаза в тонкой графической сетке волос и морщин.

И все же чаще мы видим глаза Толстого не пронзительные, а усталые. Толстой болен. Он кашляет, его плечи укутаны клетчатым пледом. Ограничения, воздержание, которые Толстой налагает на себя. Напряженность нравственной ситуации. Непонимание со стороны семьи. И над этими коллизиями — драматизм старости, физической немощи, близости конца. Толстому вспоминаются грустно — просветленные строки Фета.

Жить тяжело... И все-таки: «А жить ему все еще хотелось», ему нестерпимо хотелось жить», — произносит актер за кадром слова из притчи о старом волке. И это нестерпимое желание жить вместе с сознанием близкого, неотвратимого конца скрашивает Толстому его собственное угасание.

В телеспектакле речь идет как будто бы о быте, о Толстом как человеческом характере. Но также и о его духовном мире, который существенно значим и для миротворческого. Мы узнаем о его давней «страсти к истине». Писатель размышляет об искусстве. В ряде его реплик — замечания, относящиеся к искусству, например о важности подробностей. Эту важность учитывает и постановщик телеспектакля.

И опять противоречивость Толстого: он отрицает искусство, но его пленяет музыка Шопена. Именно собоглагоуствующей ролью искусства связывает затем Лев Николаевич свои надежды на будущее человечества, связывает с вопросом: способен ли простой рабочий получить на-

слаждение от музыки Шопена?

Особенно значим в плане изображения Толстого как духовно богатой личности показ граней его образа. Просто Лев Николаевич — в бытовом окружении. Толстой размышляющий — его внутренний голос. И, наконец, Толстой создающий. В притче о старом волке он словно бы выражает свое стремление к свободному проявлению своей воли: «Мои слова и мои мысли суть свободы моей, и я защищу эту свободу перед кем бы то ни было!». И это он говорит дважды — в начале и в конце спектакля.

Большие социальные и человечески индивидуальные проблемы возникают в драматической балладе И. Друцэ: о революции, о смертной казни, о праве на решительный поступок, о свободе воли даже перед лицом смерти.

Рядом со Львом Николаевичем мы постоянно видим его жену Софью Андреевну. Это второй «развернутый» образ спектакля. И серьезная удача артистки В. Чемберг. Она рисует Софью Андреевну крупно, выпукло, во всей противоречивости ее характера: она и уважаемая матрона, и заботливая хозяйка. Но вот она становится на колени перед мужем, словно почувствовав, что он подписал свой отказ от гонорара. Она понимает общественное значение личности Льва Николаевича, но для нее на первом месте — забота о благополучии детей, сохранении дома, барской жизни. Их лица максимально приближены к зрителю, и это позволяет передать напряженность, конфликтность сложившейся ситуации.

Другие персонажи домашнего окружения — лишь фон для психологической дуэли Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Наиболее четок в своих атаках на отца Лев Львович в обрисовке артиста В. Летенкова. Духовное родство и верность отцу с женственной мягкостью выявляет артистка Т. Абросимова. Не найдено психологического наполнения, индивидуальности в образе Бугакова (артист С. Ландграф). Не более чем корректным можно считать исполнение роли врача Маковицкого артистом Б. Соколовым.

Но для данного телеспектакля мелковатость, однократность таких персонажей — не решающий недостаток. Ибо даже в старости и немощи Толстой много выше и мудрее окружающих.

В спектакле писатель размышляет: «Хотелось бы и мне строго и достойно покинуть этот мир и вернуться в мир сырой глины, вернуться, как говорит Библия, на круги своя...». Как видим, именно тема смерти становится центральной в пьесе И. Друцэ. И как старый волк собирает в себе последние силы, чтобы совершить смертельный прыжок в пропасть, так и Толстой уходит из Ясной Поляны, от паразитирующей среды к трудовому народу и находит смерть на станции Астапово.

Драматическая сила спектакля к финалу нарастает. И смерть Л. Н. Толстого становится здесь не просто точкой, а философской кульминацией испытания человека на величие и силу духа.

Н. ЗАЙЦЕВ,
доктор искусствоведения